

18+

ИМАНТТИ ХЕЛЬВИ

ВЕТЕР В ПАРВЕ

ИСТОРИЯ ГИБЕЛИ ОДНОЙ СТОЛИЦЫ

Тимантти Хельви
Ветер в Парве. История
гибели одной столицы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70129159

ISBN 9785006204430

Аннотация

Мистическая повесть о тотальном уничтожении природной стихией целого города, некогда бывшего политической, экономической и научной столицей страны. Главный герой живёт в эмиграции, но в последние дни жизни города возвращается туда. Вслед за ним вскоре приезжает его гражданская жена.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	12
Глава 3.	22
Глава 4.	32
Глава 5.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ветер в Парве История гибели одной столицы Тимантти Хельви

© Тимантти Хельви, 2024

ISBN 978-5-0062-0443-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Сосед по купе в поезде

На вокзал пришла вся наша маленькая семья. Мара привела не только нашего малыша, но и своего старшего, почти взрослого сына. Все трое выстроились в ряд – моя жена и двое мальчишек разного возраста слева и справа от нее. Какое-то странно грустное прощание получалось. Мои дорогие люди смотрели на меня так, словно, возможно, видели в последний раз. Я понимал, что мальчишки (даже старший) вряд ли сами что-то чувствовали. Грусть им передавалась от матери.

Мара смотрела на меня своими большими, переливающимися разными цветами – от синего до темно-зеленого цвета – глазами, и неведомая мне печаль и в то же время смирение с судьбой отражались в этих бездонных глазах-озерах... Мара была красива, я видел ее не единожды на улице, прежде чем мы начали общаться, любовался ею, но, мне кажется, полюбил, только когда она на меня долго посмотрела и наши глаза встретились. Похоже, я просто навсегда утонул в ее глазах... В них было что-то не совсем человеческое. О нет! Не в худшем смысле слова! В них было что-то сверхчеловеческое, какое-то волшебство. Через них мне открылась и за сверкала новыми гранями ее красота. Будто алмаз, который

я видел только при электрическом свете, вдруг представился на солнце.

– Сэмюэль, всегда помни, что мы тебя здесь ждем, – сказала жена, и ее светлая фарфоровая кожа на лице, красотой которого я так гордился, стала совершенно белой. Глаза стали черными и мрачно блестели. Лицо в рамке синего капюшона пальто необычайно похудело. Копна черных волнистых волос траурной шалью выбилась из-под воротника и рассыпалась по бокам. Я понимал, что разговаривать, весело щебетать перед расставанием, как это делало большинство людей на платформе, в нашей ситуации было совершенно невозможно. Обнял жену и детей в последний раз и молча зашел в вагон.

Чемоданы уже ждали меня в купе, где я их разместил заблаговременно под своей нижней полкой.

– Вы, собственно, куда собрались, уважаемый? – спросил меня пожилой мужчина в котелке и с сигарой в зубах (которую он почему-то не закуривал). Это был мой сосед по купе, нам предстояло вместе провести сутки, поэтому хочешь не хочешь, но налаживать контакт было необходимо.

– В Парву, – спокойно ответил я.

– О... – он задумался ненадолго, – город интереснейший, с богатой историей... Но... уважаемый... простите, как ваше имя?..

– Сэмюэль, можно Сэм.

– Уважаемый Сэм... Вы в курсе, что там творится в по-

следнее время?

— Да, поэтому я туда и еду. Погодные явления совершенно необъяснимого характера. А я метеоролог.

— Надо же... Так вы почти что с миссией! Спасать едете! Только вы же понимаете... — тут он заговорщически склонился ко мне и прошептал: — Ничего там спасти нельзя. Город обреченный. Единственное, чем можно помочь, — уговорить местных жителей на отъезд. Покинуть свои гнездышки и перелететь подобно птичкам вить новые в других краях. Но... люди не птицы, как вы понимаете, уважаемый Сэм.

Я внимательно оглядел своего собеседника. Это был пожилой мужчина в дорогом деловом костюме, удобных ботинках из кожи крокодила — темно-коричневых, под цвет костюма; в котелке, который он пока, видимо, не успел снять, хотя поезд ехал уже минут десять, с густыми, но аккуратно подстриженными седыми усами и в очках с золоченой оправой. Его единственный багаж — чемодан, тоже коричневый, был лихо закинут на верхнюю полку для вещей. Чемодан, как и его хозяин, выглядел весьма презентабельно. Очевидно, он был сделан из натуральной кожи у известного производителя. Я бы не удивился, если бы узнал, что сей нелегкий предмет так хорошо пристроил не проводник, а сам хозяин, потому что, несмотря на преклонный возраст и худобу, в его теле чувствовалась физическая сила и ловкость, порой несвойственная и молодым людям. Сигару он пожевывал в зубах — желтоватых, но крепких и цельных, тем не менее не решаясь

закурить в купе. «Очевидно, он успешный предприниматель, который всю жизнь провел в подобных поездках. И хотя ездит он много и часто, но всегда с большим комфортом», – подумал я.

– О да, я люблю удобства, – внезапно заявил мой спутник. Я уставился на него в недоумении: он сидел, повернувшись корпусом к окну, за которым в сгущающихся сумерках мелькали лесные деревья, а лицом ко мне. Котелок он так и не снял. Глаза его по-доброму насмешливо поглядывали поверх золотистых очков.

– Ах да, прошу прощения, – пробормотал он и поспешно снял котелок, повернулся и водрузил его на полку для вещей чуть выше своей головы. – Не обращайтесь внимания, иногда я просто забываю, что на мне шляпа, – весело проговорил он, меняя позу – он отодвинул колени от оконной стены и сел прямо, глядя на меня. Его седая шевелюра оказалась густой и отливала металлическим блеском.

– Почему вы заговорили об удобствах? Разве я что-то спросил? – дружелюбно, но удивленно отозвался я.

– Но вы же подумали об этом! – воскликнул мой спутник и будто тоже удивился на мой вопрос.

Это меня окончательно озадачило. Мой спутник, случайный знакомый, сосед по купе запросто читает мои мысли.

– Кстати, забыл представиться. Од Кениг, предприниматель. Еду в Новингад на встречу с партнерами, – и он протянул мне свою руку. Рукопожатие было сильным и твердым,

рука теплой и большой. Мне нравился мой новый знакомый, но тот ли он был, за кого выдавал себя?..

Мы проговорили всю ночь, позавтракали скудно тем, что принесла нам проводница, проспали уже после завтрака часа два, и мой спутник засобирался на выход. Наш поезд прибывал в Новиград по расписанию через минут пятнадцать. Господин Кениг надел свой котелок, поправил галстук-бабочку и ловко достал с верхней полки для вещей свой единственный чемодан.

— Как вы думаете, уважаемый Сэм... мы с вами еще увидимся? — как-то будто между делом и задумчиво пробормотал мой спутник.

— Ну... я бы не отказался от встречи. Собеседник вы приятный, — отозвался я вполне искренне.

Хотя Кениг меня заинтересовал не только тем, что с ним было просто приятно поговорить. В нем жила неведомая глубина, подобная той, что жила и в моей жене... как я уже говорил, однажды я навсегда утонул в ее глазах-озерах. Есть такие удивительные люди, которых не хочется упускать, однажды столкнувшись с ними в жизни. Они мудры, великодушны, проницательны, даже прозорливы... Они очень много знают и будто сильно отличаются в лучшую сторону от других людей. Я почему-то подумал, что, если со мной случится нечто ужасное в Парве, Од Кениг непременно узнает об этом по лишь ему одному ведомым источникам и спасет меня. Как знать... быть может, такие люди, как он и моя жена, даже

не сознавая того, связаны в невидимом пространстве таинственными нитями судьбы... и именно Мара, страшно боясь потерять меня в Парве, сама того не ведая, призвала на помощь человека, обладающего способностями, схожими с ее способностями. Читать мысли, чувствовать человека на расстоянии, знать, когда пора поспешить на помощь... и многое другое. Только, возможно, этот пожилой предприниматель обладал ресурсом, которого не было у Мары. Во-первых, у него на руках не было двух детей и он был свободен от всех забот, кроме каких-то деловых переговоров с партнерами. На его руках – ни на правой, ни на левой – не было ни одного кольца, включая обручальное. Не исключено, что у него были дети, но, скорее всего, уже взрослые. Ресурс «развязанных рук» необходим тому, кто хочет оказать помощь в непредвиденной и неопределенной во времени ситуации. Во-вторых, он мог обладать денежным запасом, который тоже весьма необходим как в любом путешествии, так и – тем более – в неожиданных критических ситуациях, могущих в этом путешествии иметь место быть. На вид он человек весьма обеспеченный...

– Ну, будьте здоровы, Сэм, – сказал мой спутник и протянул мне свою широкую ладонь для рукопожатия. Руки у него при общей худобе были крупными, ладони теплыми и широкими, и рукопожатие снова было крепким. – Что бы ни произошло, знайте, я не так уж далеко. Дружественная поддержка может и не помешать, Парва – место весьма стрем-

ное, – проговорил он, улыбаясь глазами сквозь очки. Затем достал из кармана пиджака визитку и протянул ее мне. «Од Кениг. Генеральный директор и владелец контрольного пакета акций компании...» – далее следовало название компании на иностранном языке, ее сайт, адрес электронной почты владельца и телефон. А я слишком волновался почему-то, что вижу этого человека в последний раз. Засунул его визитку себе в портфель, встал, еще раз пожал ему руку и проводил до двери вагона. Он все время улыбался, пока мы прощались. В последний раз он улыбнулся мне из темноты, когда уже был на перроне Новиграда.

22.07.2017

Глава 2.

Первое знакомство

Итак, мой сосед по купе сошел в Новиграде, а мне предстояло трястись в поезде еще часов восемь. Я не из тех людей, что любят поезда. Укачивает, если я нахожусь в вагоне более шести часов. На этот раз в первые сутки присутствие интересного собеседника здорово отвлекло меня от мутного состояния, которое мне так свойственно испытывать в поезде. Но когда он удалился, накатила тошнота. Голова кружилась, а ноги требовали твердой почвы вместо покачивающегося пола. Я вышел из купе в коридор и встал возле открытого окна. Осень вступала в свои права еле заметно, бегущие перед взором леса едва тронула желтизна, но сено на полях было уже скошено и убрано в валки, а воздух наполнился запахом тлеющих листьев и костров, которые жгли садоводы-любители.

Да, когда-то я писал стихи... впрочем, и сейчас пишу их время от времени, но все реже. Думаю, современный человек в поэзии не может создать ровным счетом ничего оригинального и тем более ничего лучше того, что уже написали поэты минувших эпох. «Все сказано поэтами заведомо». Этим объясняется мое несколько насмешливое отношение к собственному стихосложению и моя застенчивость

в этом вопросе, а вовсе не «комплексами, чьи корни тянутся из далекого детства», как выражаются некоторые романтические психологи. Впрочем, мысли зашли куда-то не туда. Мой путь лежал в место, как верно выразился Од Кениг, достаточно стремное. Проще говоря, опасное. Из-за этого прощание с семьей было столь мрачным, из-за этого моя жена даже не обняла меня на прощание. А ведь мы были сильно влюблены друг в друга вот уже много лет, и все наши прощания проходили трогательно (встречи, кстати, еще трогательнее). Все наши прощания... кроме последнего. Кто знает, возможно, мы больше не увидимся... Кто знает...

– Можно подумать, если в моем родном городе стали происходить не понятные науке явления, я уж не вправе оттуда уехать! – возмущенно проговорил звонкий детский голосок из соседнего купе.

– Ешь торт, Хельга, он испортится. Я так хотела доставить вам с братом удовольствие в дороге, а вы – неблагодарные, – грустно отозвался в ответ на реплику девочки хрипловатый и тихий голос пожилой женщины. Я знал, что в соседнем купе ехала бабушка с двумя внуками – мальчиком и девочкой. Дети были, очевидно, одного возраста и так похожи внешне, что я подумал: «Точно близнецы».

– С бабушкой не стоит спорить, она все равно никуда не уедет, – прозвучал мальчишеский голос. – И дедушка тоже.

– Ешь торт, Рихард, он испортится, – передразнивая ба-

бушку, раздраженно отозвалась девчонка. – Глупые вы! Дело вовсе не в желании или нежелании! Неужели не ясно, что рано или поздно любой из нас может погибнуть! Знаете... Родина – это прекрасное слово. Но если Родина превратилась в гиблое место, надо спасаться! – отчеканила Хельга.

Я невольно усмехнулся: сколько ей лет? Умная девчонка и бойкая. Когда она пробежала однажды мимо меня в коридоре – я как раз относил проводнице стаканы из-под чая – мне показалось, лет десять... Хотя она может быть просто невысокой.

– Дети, эти... явления... могут быть временной погодной аномалией. А люди каждый день гибнут от самых разных вещей, причем в совершенно благоприятном климате. Поэтому давайте... ложитесь спать... Уже поздно, – голос пожилой женщины звучал неуверенно и меланхолично. Но на этот раз ей никто не ответил. Судя по возне в соседнем купе, дети забрались на верхние спальные полки и молча укрылись легкими простынями. Их бабушка вышла из купе и направилась со стаканами из-под чая к проводнице. Я посмотрел ей вслед: небольшого роста, сутулая, седая женщина. Молодость от нее давно ушла, и она даже не попыталась ее удержать. Наверняка из вышедших на пенсию рабочих.

Пока бабушка отдавала стаканы и разговаривала о чем-то с проводницей, я не смог удержаться, чтобы не засунуть свой нос в детское купе.

– О, здрасте! – буркнула Хельга. Ее рыжие волосы бесфор-

менной копной свешивались с верхней полки, а лицо было обращено в сторону двери, возле которой находился я.

– Привет, соседи! – бодро ответил я.

– Ты с нами до конца едешь. В Парву, значит, – сказал мальчик.

– А что в этом такого странного? – я попытался изобразить удивление.

– Не знаю. Всякое в жизни бывает. Например, может, жить надоело, – проворчала Хельга.

– Однако ты разбираешься в людях! Сколько тебе лет, рыжая? – насмешливо отозвался я. Хельга презрительно фыркнула и отвернулась к стенке.

– Нам по двенадцать, мы близнецы, – спокойно ответил ее брат. Он сел и протянул мне руку. – Рихард, – сказал он.

– Сэм, – ответил я и пожал его маленькую руку.

– Вы не обращайте внимания на мою сестру. Она просто очень боится возвращаться в Парву. Мы славно съездили на юг к морю с бабушкой, отдохнули. А теперь снова...

– ЗдорОво, – промычала Хельга со своей полки.

– Да... типа того, – вздохнул мальчик. Очевидно, в глубине души он не просто понимал, а полностью разделял настроение своей сестры-близняшки.

Я уже собрался отойти от их купе, как подошла бабушка близнецов.

– Познакомились с моими внуками? – обратилась она ко мне и чуть заметно улыбнулась. О нет... вряд ли она была

из рабочей среды. Скорее, школьная учительница или даже преподаватель с кафедры высшего учебного заведения. Правда, насколько мне известно, местные власти Парвы в последние лет десять закрыли все высшие учебные заведения в городе и его окрестностях – так же, как множество научных институтов. Как знать... быть может, эта старая интеллигентка была когда-то видным ученым...

– А знаете, я разделяю любопытство моих внуков. Зачем вы едете в наш город?

– Я метеоролог. Хочу исследовать ваши погодные явления, – ответил я уже без тени насмешки.

Тонкие седые брови удивленно приподнялись.

– Исследовать... – она стояла, сложив руки на груди напротив меня у входа в свое купе, в задумчивости и очень напоминала мою старую преподавательницу по химии в институте. Та принимала точно такую же позу, когда слушала ответ на семинаре или на экзамене. Я не удержался:

– Кстати, я не представился. Сэмюэль. Саэмюэль Котка, можно просто – Сэм.

– Агнесса Вирта.

– Очень приятно, – ответил я и покраснел. Моя догадка оказалась правильной. В институте я учил физическую географию по учебнику, одним из авторов которого была Агнесса. – Так вы ученый.

– С чего вы взяли? – она казалась удивленной. Да... мало ли однофамильцев... и тезок... я мог ошибиться. Я рас-

терялся и хотел уж было пошутить над своей неловкостью, как она сама все исправила:

– Хотя... я ведь одно время писала на кафедре учебники. Правда, в соавторстве. Вы вполне могли учиться по одному из них.

– Вы верно угадали. Сдавал экзамен по вашему учебнику.

– Успешно? – в ее грустных глазах появился свет.

– Да, сдал на отлично. Так что спасибо вам. По лекциям нашего преподавателя вникнуть в предмет было практически невозможно, – весело ответил я.

– Хорошо. Хоть как-то приносила людям пользу своей специальностью.

– Ну бросьте. Вы ее приносите до сих пор! До сих пор продаются учебники для студентов, где вами написаны целые разделы. И до сих пор студенты сдают по ним экзамены.

– Да... – она вновь погрузилась. Свет, всего на несколько мгновений появившийся в ее глазах, безнадежно угас. – Да, молодой человек... простите... Сэм, кажется?

Я кивнул.

– Это-то верно. Но я... мы... Наш институт... Мы не смогли сделать главное дело. Наверное, дело всей нашей жизни... Наверное, мы не исполнили свое предназначение, – у нее на глазах появились слезы. Она лихорадочно потерла высокий лоб, стараясь взять себя в руки: ей не хотелось, чтобы я видел ее слезы. Я слегка отвернулся, делая вид, что отвлекся на Рихарда, который шуршал на своей полке и игриво под-

мигивал мне. Он напоминал играющего котенка. Я улыбнулся ему и помахал рукой.

– Понимаете, Сэмюэль. Ведь в Парве был очень мощный коллектив ученых-метеорологов. И вообще, у нас было много замечательных ученых, – произнесла Агнесса. Она успокоилась, но говорила теперь тише и строже, чеканя каждое слово.

– Конечно, я знаю это, госпожа Вирта. Парва – культурный и научный центр конфедерации.

– Была, – хрипло и резко произнесла Агнесса, – она была такой. Но теперь все кончено. После того как в науку и образование проникли чиновники, все стало быстро сворачиваться. И научная, и культурная жизнь... Теперь, как вам наверняка известно, действует лишь несколько небольших научных институтов, да и те бедствуют. А высшие учебные заведения вообще закрылись. Молодежь уезжает получать высшее образование в другие города и даже страны. Конечно, та молодежь, которой это вообще нужно. Город обмельчал. Духовно, интеллектуально, экономически... Город гибнет... и вовсе не от ветра. – Она порывисто вздохнула, зашла в свое купе и села на одну из двух нижних полок. Дети чуть слышно возились на верхних над ее головой. Они явно были обеспокоены столь откровенным признанием бабушки. Возможно, она ничего подобного в их присутствии раньше не говорила.

– Сэмюэль, по-моему, мы одни в вагоне. Охотников ехать

в Парву нынче немного. Если вам одиноко, можете провести ночь в нашем купе, – сказала госпожа Вирта. Но я почувствовал, что она предложила мне перебраться к ним скорее из вежливости. Такие люди, как она, – не великие любители долгого общения с почти незнакомыми людьми, каким я для нее и являлся. Впрочем, я сам был таким же и хорошо ее понимал. То, что прошлой ночью мой сосед по купе смог так расшевелить меня, было одним из весьма немногих исключений в моей жизни.

– Благодарю от души, – произнес я и вежливо поклонился, – но лучше пойду к себе. – Она кивнула, и мы пожелали друг другу доброй ночи.

Мне снился ветер... Неумолимый ветер, сметающий все на своем пути. Трудно представить (да я и не представлял, честно говоря), как такое природное явление, как простое движение воздуха, может иметь столь страшную разрушительную силу. Легче вообразить цунами или лесной пожар... правда, ветер страшен во время бури в пустыне, также страшен степной смерч... Но мне снился вовсе не смерч. Мне снился ветер невероятной силы. Смертоносный для всего живого ураган.

Утром меня разбудила проводница. Поезд уже стоял на перроне. Я вскочил как ошпаренный, мгновенно собрался и выбежал из вагона. Мои бывшие соседи, как ни странно, не успели уйти. Мне даже показалось, что они ждали меня у вагона. Так оно и было...

– Сэм, вы, очевидно, хорошо образованный, вежливый и приятный человек. И вы умны. Такие люди, знаете ли... такие МОЛОДЫЕ люди нынче редкость в этих краях. Поэтому мы будем рады видеть вас у нас в гостях. Приходите в любое время, как захочется, как будет свободная минута. Я познакомлю вас с мужем. Думаю, вам будет о чем с ним пообщаться, – сказала госпожа Вирта и протянула мне лист бумаги с написанным на нем красивым почерком адресом.

– Да, приходи, Сэм! – весело проговорил Рихард. Они с сестрой стояли рядышком, оба рыжие, конопатые, с живыми карими глазами и улыбались. Улыбки у них были совершенно одинаковые – как у близнецов.

– Спасибо, госпожа Вирта, спасибо, ребята! Я обязательно вас навещу! – мне было почему-то приятно и как-то тепло от того, что они не ушли не оглядываясь. И не просто вспомнили обо мне и дождались, чтобы проститься, но и пригласили в гости. Теперь у меня есть хорошие знакомые в этом чужом городе!

Несколько минут, пока они шествовали по перрону, а я, надевая свой большой дорожный рюкзак, провожал их глазами и прятал в кармане листок с их адресом, мне казалось, что я приехал в удивительно приветливый город. Но как только я сошел с вокзального перрона к станции такси, чтобы найти свободную машину, которая отвезет меня в гостиницу, в лицо ударил мощный порыв холодного ветра. Дыхание перехватило от столь внезапной «пощечины». Я закашлялся

и повернулся на 180 градусов, пытаясь отдышаться.

– Сударь, вы поедете? – услышал я недовольный голос, и передо мной возникло бледное лицо одного из таксистов.

– Да, конечно.

Я помог ему уложить большой рюкзак в багажник и забрался на заднее сидение старой легковушки.

– Ветрено сегодня! – сказал водитель такси, усаживаясь за руль, – но вы не думайте, сударь... У нас так не каждый день.

– Надеюсь, – отозвался я.

Ветер дул отовсюду. От него невозможно было отвернуться. Даже «спрятавшись» в такси, я чувствовал его дыхание сквозь невидимые щели в машине.

Настанет вскоре райская пора
Украшенной златым шитьем лазури,
И бисера рябинного бирюли
Зардеют в свете раннего утра.

И будет воздуха хрусталь пронизан
Прощальным запахом спадающей листвы,
И зашипят вечерние костры
От влаги веток срезанной малины.

29.07.2017

Глава 3.

Город моего детства

Гостиница была самой обычной. Ничего общего с отелями в местах отдыха. Ничего общего с дорогими столичными гостиницами. И это при том, что не так давно Парва была столицей конфедерации. Но как только начались ураганы, унесшие человеческие жизни (сколько именно, не объявлялось), в том числе жизни нескольких государственных лиц, столицей стал другой город на значительном отдалении от Парвы и ее бед. Тем временем в Парве продолжали гибнуть люди – не государственные лица, а обычные (если вообще можно так назвать людей) граждане. И власти конфедерации, и местные власти Парвы не предлагали ровным счетом ничего своим подопечным. Хотя, как известно, смысл и назначение всякой власти – служить народу.

В номере было прохладно, и я усилил батареи до максимума. Разобрал свой рюкзак, сходил в горячий душ и закутался в гостиничный махровый халат, хоть он и был мне короток. Постоял у окна, глядя в сгущающиеся осенние сумерки. Ветер хлестал в стекла окна. Несмотря на то что гостиничные окна были оборудованы стеклопакетами и непогода не проникала в номер, удары стихии по стеклам и ее тоскливое зазывание крайне неприятно действовали на психику. Я опу-

стил рольставни и забрался под одеяло. Странно... мне было необъяснимо жутко. О природных катаклизмах Парвы в последние года два ходили легенды. Я не только читал об этом в прессе, но и изучал материалы в научном центре, где работал постоянно. Тем не менее «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» – истинная правда. В моей голове эта посьловица теперь прозвучала в саркастическом тоне – и неудивительно.

В конце концов, я стал засыпать. Удары в окно и завывание ветра понемногу отдалялись от меня... будто из тесного номера гостиницы большие заботливые руки переносили меня, как спящее дитя, в иные просторы... И там, в тех просторах, все было совсем иначе.

Я превратился в мальчика лет пяти-шести – живого, хоть и не слишком вертлявого, русоволосого и темноглазого. Все мое тело было покрыто золотистым загаром, а слегка выющиеся волосы на кончиках выгорели от солнца. Я сидел на простой деревянной скамейке возле своего дедушки в шортах и майке без рукавов и наблюдал, как дед раздувает пламя в самоваре. Самовар топили на углях, иногда добавляли мелкую щепу. Часто я сам помогал дедушке колоть маленьким топориком эту щепу. Он мне вполне доверял, и это очень грело мою детскую душу.

– Деда, получилось?

– Почти, – быстро ответил дед хрипловатым от дыма голосом и откашлялся.

Он поставил высокую самоварную трубу на горлышко, из которого вырывался дым с еле заметными язычками пламени, и огонь внутри самовара загудел. Дедушка взял чайник с сырой водой, который стоял рядом с ним на скамейке, приоткрыл крышку того отделения самовара, где грелась вода, и подлил водички. Я с удовольствием наблюдал за ним, потом втянул носом запах дымка и теплый вечерний воздух летнего дачного вечера. Я был так счастлив... Потом самовар вскипел и дед, трубным голосом разгоняя семейных (не приведи господь задеть кого-то горячим самоваром), вносил шипящий и пахнувший дымом самовар на кухню и ставил на большой медный поднос на большом круглом кухонном столе, где уже все было накрыто к чаю, и семья суетилась, созывая тех, кто еще работал в огороде или гулял в переулке.

Потом все растаяло, картина поменялась. Я увидел прабабушку, медленно гуляющую по садовой дорожке мимо огромного куста жасмина. Прабабушка обожала жасмин: «Ах, как пахнет, как пахнет!» – вздыхала она, приближая свое старческое морщинистое, но все равно невероятно симпатичное лицо к белым соцветиям.

– Сэ-эм! Ты гулять выйдешь? – вдруг прозвучал рядом голос друга детства. И я, оглянувшись, увидел его между досками нашей деревянной, покрашенной голубой краской калитки.

– Сейчас! Только за великом сбегаю! – весело отозвал-

ся я и бросился на противоположный конец нашего дачного участка к сараю, где стоял мой велосипед. Радость захлестывала меня волнами: предстояло поноситься на велике с друзьями. Быть может, мы просто будем летать с горок на десятой улице, а вдруг к нам прицепится враждебная компания парней с двенадцатого переулка? Тогда будут приключения и гонки!

Картина вновь изменилась, будто неизвестный художник перемешал краски. Теперь было уже раннее утро, и я бежал с эмалированным бидоном за молоком. Стоять за молоком в очереди среди чужих, постоянно о чем-то разговаривающих между собой людей – невеликое удовольствие, почти испытание. Но какое счастье, когда моя очередь наконец-то подходит к концу и ароматное свежее молоко выливается из крана в большой железной бочке в мой бидон! Теперь, главное, донести и не расплескать. Надо проверить крышку бидона... Ага, все в порядке. Ну, прощай, шумная торговая площадь!

И снова смешались краски, и снова поменялась картина... Я уже не на даче, а в городе. В Парве зима. Меня нарядили в дутые сапожки, которые сотрудник мамы привез из-за границы, в зимнее пальто и невероятно теплую, колючую шерстяную шапку, от которой всегда потом чесалась голова. Мама вела меня на каток во дворе, в ее руках – мои коньки. Как же я любил кататься на коньках...

Затем я вижу папу: он гулял с собакой во дворе и расска-

зывал мне что-то о космосе, звездах, планетах, Млечном Пути... И мне все это так было интересно, и я был снова счастлив. Собака – маленькая, уши почти до земли. Она тонула в снегу, плавала брасом, а не бегала. Папа брал ее на руки, и мы отправлялись домой...

И снова неизвестный художник мешает краски... Я вижу свою школу, одну из лучших школ в Парве. Учеба давалась мне без особого труда, но меня выгоняли из класса за хулиганство на уроке... И это было и обидно, и смешно. Конечно, вызывали родителей. Мама в любом случае стояла за меня горой и в школу не ходила, а папа так заговаривал учительницу, что она была рада, когда провожала его восвояси.

Краски снова смешиваются... Я вижу себя в последнем классе школы. Мне приходилось не только посещать школьные занятия и выполнять домашние задания, но и готовиться к поступлению в университет... Моя спина каждый день болела от «кирпичей», которые я носил в ранце. После школы, перед тем как поехать на подготовительные занятия в университет, я заходил к дедушке и бабушке. Постаревший дедушка из-за моих нагрузок был вне себя от возмущения, а бабушка кормила меня обедом, как в детстве. Только вместо того чтобы после обеда (тогда домашняя работа могла и подождать) завалиться на диван с яблоком в зубах и книгой молдавских сказок, как это бывало в первом-третьем классах школы, я скорей-скорей убегал по делам с «кирпичами» за спиной.

И снова неизвестный художник мешает краски, и я оказываюсь на похоронах своего любимого деда. Цветной сон превращается в черно-белый... потом переселяюсь к осиротевшей бабушке. Мне начинает названивать моя будущая жена... Нет, не Мара... Моя первая жена, с которой я давно развелся... Она тогда была еще совсем девчонкой. Впрочем, и я был мальчишкой, хотя мы оба к тому времени окончили университет и учились в аспирантуре. Как тогда сильно и странно изменилась жизнь... И совсем не в лучшую сторону... Прошлого было уж не вернуть. Детство с запахом дымка от дедушкиного самовара летним теплым вечером и ароматом жасмина давно упокоившейся с миром (задолго до деда) прабабушки закончилось раз и навсегда, а взрослым я быть не умел... И самым ужасным было то, что при всем нашем семейном горе мы были рады, что дед не дожил до тех событий, которые последовали за его смертью в Парве... Впрочем, это уже политика...

Я проснулся от звука будильника, заведенного на моем телефоне. Некоторое время сидел как побитый: скорчившись, обхватив голову руками. К глазам подступали слезы. Парва – мой родной город. В ней прошла бОльшая и, возможно, лучшая часть моей жизни. Но в течение нескольких лет, буквально в пределах одного десятилетия, она изменилась до неузнаваемости. Ушли навеки на тот свет или уехали в другие страны не только любимые мною люди – люди, благодаря которым я был счастлив. Бесследно исчезли бесцен-

ные места: улочки и переулки, площади, малоэтажные дома... Все это было стерто с лица земли по воле сильных мира сего. И любимые места превратились в бесформенную громаду разноэтажных стеклянных, каменных и металлических сооружений, многие из которых расходились по швам, пугая уже заселившихся в них жителей (если это были жилые дома) и сотрудников организаций (если это были офисные здания). Швы грубо замазывались цементом. И никого не волновало, что на самом деле происходит с новостройками изнутри, потому что каждый дом имеет свой собственный организм. И если уж он дал трещину, то просто замазать ее цементом – это все равно что припудрить раковую опухоль.

Все эти жуткие халтурные проекты новомодных архитекторов сопровождались откровенным внешним уродством. И внутренний облик Парвы стремительно менялся. Почему-то внезапно закрыли Академию наук, затем ряд других ведущих научных заведений. А потом стали закрывать высшие учебные заведения. Причем все подряд. Объяснение было простое: у местной власти нет денег на высшее образование. И чтобы поддерживать в приличном состоянии школы, пришлось закрыть ВУЗы. Но тогда почему же у местной власти было столько денег на новое строительство? А также на множество казино (которых в Парве отродясь не бывало) и бесчисленные ночные клубы и пабы, хозяева которых получали немыслимые деньги с незадачливых посетителей еженощно. Куда потом шли эти деньги?..

Я не обладал практическим умом следователя. Догадывался лишь смутно, кто, как и с кем «разделял и властвовал» в Парве, о том, как именно здесь происходил круговорот финансов в социуме. Жить в родном городе я более не мог, здесь стало трудно дышать, словно Парву вдруг перенесли в район влажных субтропиков. Моя первая жена ни за что не хотела уезжать, сколько бы я ее ни уговаривал: по ее мнению, с городом все было отлично, более того – даже лучше, чем когда-либо. А я, не дожидаясь, пока закроют научный центр, в котором я работал тогда еще младшим научным сотрудником, перевелся в Новиград, а затем дальше... дальше... Пока не оказался за пределами конфедерации в тихой и мирной стране. Мои родители переехали вслед за мной, и я был несказанно этому рад.

Еще в Новиграде я встретил Мару. Но воссоединились мы не сразу. Моя жена в Парве никак не хотела давать развод. Затем совершенно внезапно нашла кого-то, по ее мнению, более достойного ее, и история с ее капризами быстро закончилась. А с Марой мы лишь изредка виделись по делам в Новиграде. Однако когда я уезжал из Новиграда, чувство невосполнимой утраты кого-то весьма важного в моей жизни смутило мою душу, и я еще долго вспоминал и вспоминал, и снова и снова прокручивал в голове наши с Марой недолгие встречи и вроде бы не слишком значительные беседы... Помню, уже оказавшись в другой стране, я стоял на пригорке над рекой. Была золотая осень, почти то же время года, что

и сейчас, только более позднее. Ленту реки, отражавшую чистую и холодную синеву небес, окаймляли берега, поросшие лесами. А я смотрел на красоту увядающей природы и чувствовал, как кровь холодеет в жилах и замедляет свой ритм сердце.

*Как прохладный кинжал ранит воздух осенний,
И грустна, и прекрасна земля перед сном.*

*Как же хочется мне задержаться в мгновенье
На высоком пригорке с янтарным леском!*

*Здесь колышется вечность в звенящем сиянье
Уходящего в небо осеннего дня:*

*Вот и доброе детство мое меж кустами
Пробежало, смеясь и лукаво маня...*

*Но немеет душа, замирает в смятении —
Ибо греет и ранит людей красота.*

*Я взираю с тоской на растущие тени:
Так уйдет этот день, как уходит Мечта.*

Да, имя Мара на одном из современных языков означает «мечта»...

Однако Мечта вновь неожиданно появилась в моей жизни уже в другой стране. И не одна, а вместе с сыном от первого брака и целой кучей родственников. Родственники, к моей большой радости, оказались временным явлением: они все потихоньку разъехались в разные концы страны. А Мара осталась со мной. Через несколько лет после нашей помолвки (в официальный брак мы вступить так и не решились)

на свет появился наш сын. А еще через несколько лет я узнал о бедах, постигших мой родной город. Оказалось, в Парве ни с того ни с сего стали дуть сильные ветра. Поначалу на это мало кто обращал внимание. Но после урагана, унесшего многие жизни и разрушившего и без того на честном слове державшиеся новостройки с растрескавшимися задолго до урагана швами, власти Парвы забили тревогу. Как я уже упоминал, столица была перенесена в другой город конфедерации, большая часть чиновников и официальных лиц покинула Парву. Но там остались люди... Ученые, школьные учителя – включая тех, что учили еще меня, врачи, инженеры, множество пенсионеров...

– И снова я теряю тебя навсегда? – задумчиво спросила меня Мара, когда узнала о моем решении.

– Если снова, значит, не навсегда... – ответил я. Мне было больно и никакого другого ответа не пришло тогда в голову.

Как бы то ни было... Как бы ни было... Я должен был вернуться в родные места – город изуродованный, растерзанный, израненный, постаревший, брошенный на произвол судьбы. Я не мог иначе.

Глава 4.

Город-призрак

После утреннего кофе с булочкой в гостиничной столовой я поднялся в свой номер, чтобы надеть куртку, которую приобрел специально для путешествия в Парву. Вероятно, в ней я буду чувствовать себя хоть немного уютнее... Куртка была довольно длинная, с теплым и мягким внутренним слоем из натурального волокна – смеси шерсти и хлопка. Внешний слой был груб и практически водонепроницаем, почти у колен он стягивался довольно плотной и широкой резинкой, которая тем не менее не создавала помех при ходьбе. Такая же резинка была вставлена на запястьях в рукава. Конечно, куртка была снабжена капюшоном, который тоже довольно плотно облегал лицо. При этом звуки сквозь него отлично доходили до ушей, поскольку внутреннего мягкого слоя в капюшоне не было. Джинсам я предпочел брюки из такого же грубого, плотного и водостойкого материала, как куртка. А на ноги надел легкие водонепроницаемые ботильоны под цвет своего костюма, длиной они были чуть выше колен, но, как и куртка, не сковывали движений. А вот с перчатками все обстояло совершенно иначе. Мне всегда требовалась предельная чувствительность моих рук: всего, что я задеваю, трогаю, чего случайно касаюсь. Отчасти из этого складыва-

лась моя картина мира, в частности, мира того места, в которое меня привела судьба. Поэтому тонкие на ощупь перчатки, хоть и под цвет купленного в специальном магазине уличного костюма, мне связала Мара... Честно говоря, не знаю из чего. Но руки в них были защищены от холодного ветра, а тактильной чувствительности не теряли.

– Внесу свой вклад в твою экипировку, – проворчала она и вручила мне перед отъездом пару вязанных на очень тонких спицах серо-голубых перчаток.

– Прямо под цвет глаз! – насмешливо проговорил я (ведь на самом деле глаза у меня карие).

– Под цвет доспехов, – проворчала она еще более мрачно и уколола меня недовольным и возмущенным взглядом, мол, нахал неблагодарный. Когда она отвернулась, чтобы пойти куда-то по своим делам, я обнял ее изо всех сил сзади и поцеловал в черноволосую душистую макушку.

«И где ты сейчас, с кем, что делаешь?..» – пробормотал я, думая о жене с внезапно сковавшей словно паралич все тело и больно отозвавшейся в сердце тоской. Я соскользнул прямо на пол и посидел минут десять, успокаиваясь. Потом встал, стараясь не торопиться, вынул из шкафа свой городской рюкзачок, который лежал среди вынутых вчера из большого походного рюкзака вещей на одной из нижних полок. Он уже был снабжен аптечкой, картой Парвы, моим паспортом, мобильным телефоном и телефонной книгой города.

– Ну хорошо, – бодро произнес я, надел рюкзак и выдвиг-

нулся в путь.

По заранее составленному плану я хотел попасть в научно-исследовательский институт, в котором работал еще до отъезда из Парвы. Туда было невозможно дозвониться. Никто из моих друзей или знакомых, тоже когда-то покинувших родной город, ничего не знал о судьбе института. Поэтому первым делом я решил узнать о ней – этой судьбе – от самого первоисточника. Не исключено, что НИИ переехал и из-за смены адреса и телефонов те, кто знал прежний адрес и прежние телефоны, не могли ничего о нем разведать.

Я шел по улице и старался не обращать внимания на порывы холодного ветра. Вчерашний водитель такси был прав: все-таки день на день не приходится и сегодня ветер был значительно тише, чем вчера. Однако все-таки значительно сильнее и холоднее тех ветров, к которым я привык. Поэтому нижняя половина моего лица автоматически спряталась под воротник куртки, а капюшон я надвинул почти на брови.

Признаться, меня мучил не только ветер. Меня мучил ужас, и, что самое забавное, я не сразу это понял... Да! Я не сразу осознал то незнакомое чувство тошноты, которое медленно, но верно овладевало моим телом. Это несколько не было похоже на головокружение от длительной качки в вагоне поезда. Однако я вынужден был остановиться возле какой-то серой стены, привалиться к ней плечом и отдышаться, опустив воротник и глотая холодный ветер. Что со мной?.. Меня мутило... Не мог же я отравиться обыч-

ным кофе (сливки в него я наливал сам и видел, что упаковка цельная, а срок годности не истек) и свежей булочкой, которую при мне вынули из духовки... Я огляделся. Странно... почему я только сейчас огляделся, прошагав почти километр по этому городу?.. Стена, к которой я прислонился, была на самом деле осколком боковой стены какого-то разрушенного здания. Я задумался. Точно ли не могу вспомнить, что это было за здание?.. Попытался воспользоваться мобильным навигатором, но пальцы меня плохо слушались, телефон чуть не выскользнул из рук, одетых в тонкие и плотные перчатки Мары. Я спрятал телефон и раскрыл бумажную карту. Через минуту до меня дошло-таки, что я стою возле стены рухнувшего от одного из прошедших по городу ураганов старого особняка, в котором располагался Дворец бракосочетания, в котором... мы поженились с Оленной... моей первой женой...

Продолжал дуть холодный ветер, он не причинял существенного дискомфорта и позволял оставаться на улице благодаря моему костюму. Но меня все же бросило в жар, и на лбу выступила испарина, когда я стал разглядывать то, что осталось от старого особняка, в котором столь торжественно (если не сказать, что с изрядной долей никчемного пафоса) во времена моей юности заключались брачные союзы. Никто даже не попытался убрать беспорядок... фасад был снесен полностью, а внутри царила самая настоящая свалка. Между больших серых осколков, на которых ме-

стами уцелела светло-зеленая краска поверх серой отделки по кирпичу, а местами обнажился и сам кирпич, виднелись разломанные части белого рояля. Кое-где, словно порванные в клочья знамена, придавленные тяжелыми камнями, вились по воздуху уродливыми лентами атласные шторы. Раньше они были, кажется, кремовыми, но теперь стали такими же серыми, как и стиснувшие их где между собой, а где между собой и землей осколки здания. Я видел части роскошных кресел и диванов, тоже не унесенные ветром из-за того, что они были зажаты между каменными обломками. На одном из этих диванов, возможно, нас с Оленной фотографировали после церемонии бракосочетания. Тогда, помнится, молодоженов заставляли принимать разные позы: «Сядьте так, ребята! А теперь так! Оленна, расправь юбку, она у тебя такая шикарная, пусть и на фото выглядит шикарно!» Как же они мне тогда надоели, эти фотографии... Конечно, это было на втором этаже здания... А теперь от него осталось лишь несколько балок и пять-шесть поломанных белых колонн, уродливо и страшно торчащих над обломками «дворца»...

– Как после бомбежки, – пробормотал я. Убрал карту в карман куртки, спрятал нижнюю часть лица под воротник и зашагал дальше.

Вот откуда взялся ужас. Парва напоминала город-призрак, неоднократно пострадавший от военных бомбардировок. Странно было видеть редких, слишком хорошо одетых для военного времени прохожих и то и дело снующих по раз-

долбанным, давно не ремонтированным дорогам такси. Иногда проезжали частные машины.

«Это не Парва... не та Парва... Я не туда приехал», – думал я, глядя воспаленными от ветра глазами на разбегающиеся в разные стороны улицы. Вдоль этих улиц стояли полуразрушенные и разрушенные дома, на первых этажах и в подвалах которых и жили, очевидно, не покинувшие Парву горожане. Дорожное покрытие улиц никуда не годилось. Я шел по городу. И узнавал, и не узнавал знакомые места. С ними меня связывали детские и юношеские воспоминания. Но эти места гораздо лучше выглядели в моей памяти, чем в реальности. Теперь я воочию наблюдал их жалкое подобие...

«Я приехал, чтобы посочувствовать покойнику и пожалеть труп, – насмешливо подумал я, глядя себе под ноги (по сторонам смотреть больше не хотелось), – и Мара предупредила меня. Она предупреждала меня об этом».

Я убавил шаг, вспомнив про цель моей прогулки... И остолбенел. Цель была достигнута. Метрах в ста от меня возвышался мой научно-исследовательский институт. А вернее – то, что от него осталось... На этот раз мне стало холодно. Я вдруг почувствовал, как сильно замерз, пока шел сюда.

– Котка, ты свихнулся. Реагируешь на все как истеричная баба. Можно подумать, ты не знал, куда едешь, – пробормотал я с досадой, обращаясь к самому себе.

Я зашел в полуразрушенное пустое здание своего бывше-

го НИИ. Все тот же холодный ветер гулял в его стенах, заывая где-то в дальних углах, в пустых лабораториях, залах и кабинетах с опрокинутым, смятым, раздолбанным или вообще исчезнувшим оборудованием... с изуродованной мебелью, с пустыми глазницами окон без рам, штор или жалюзи...

Около часа я плутал как заколдованный по родному НИИ, заглянул в библиотеку... взял и положил в рюкзак несколько уцелевших книг. Кажется, я знал их наизусть, так же, как тех, кто их когда-то написал... Тех, кто их когда-то так старательно и бережно написал... Кто так волновался при их издании... По моим щекам текли слезы, и мне не было стыдно. Перед кем? Они все умерли... все умерло...

Телефонный звонок заставил меня вздрогнуть, как от удара грома: так неожиданно и странно прозвучал он в этом печальном месте.

– Сэмюэль! Где ты?! Ты живой?! Сэмюэль!!! Почему вчера я не могла тебе дозвониться, а ты даже сообщения не прислал?! – кричал в трубке испуганный голос Мары.

– Я отправил сообщение, – глухо отозвался я, – оно просто не дошло. Знала бы ты... что тут творится...

– Я знаю, – ответила она чуть спокойнее, – ты уже видел свой НИИ?

– Я сейчас внутри...

– Уходи оттуда!!! Немедленно!!! Сэмюэль... Сэм... Я прошу тебя, я заклинаю тебя, уходи оттуда!!! Не бросай

трубку, пока не выйдешь на улицу!!! – снова нервно закричала она, срываясь в истерику. А я как-то не подумал, что в здании может быть опасно... Странно... как же я не подумал... истерика истерикой, а она права. Я покинул библиотеку, пробежал по коридору, слетел вниз по лестнице и в считанные минуты оказался у выхода.

– Я на улице! – крикнул в трубку, боясь, что она не услышит меня из-за ветра.

– Вот и славно, – вроде бы спокойно ответила она, но тут же громко заплакала и бросила трубку. елки-палки... ей нельзя было говорить, что я зашел в здание... она же просила меня этого не делать... Я должен был вспомнить ее слова сразу, как увидел, что стало с институтом. Ведь и правда, можно было никогда не выйти оттуда. Один черт знает, что там стало сейчас с перекрытиями... Ладно, чуть позже позвоню ей. Думаю, она сейчас уже успокоилась или почти успокоилась...

Быть может, Мара была в бешенстве от моего отъезда. Быть может, наше прощание было слишком мрачным и холодным. И пусть. Все это – реакция на мой отъезд, связанная с непосильно тяжелым для нее беспокойством за мою жизнь. А ее звонок вернул меня к этой жизни.

Я раздвинул молнию на рюкзаке и нашел во внутреннем боковом кармане бумажку с телефоном и адресом моих единственных на сегодня знакомых в этом городе. Госпожа Вирта сразу подала голос:

– Слушаю!

– Госпожа Вирта!

– Сэмюэль Котка, Сэм! – весело отозвалась она.

– Мне бы очень хотелось поговорить с вами и, если можно, с вашим мужем тоже.

– Приезжайте. Наш адрес у вас есть. И возьмите такси, ни к чему ходить пешком по такому ветру, – отозвалась она.

Глава 5.

Сон Марены

Мара шла по огромной заснеженной степи, которой не было ни конца, ни края. Одинокая фигурка, завернутая в теплый плащ из овечьего меха с капюшоном, с котомкой, болтающейся на плече под плащом на длинной лямке, и с длинным посохом, который не давал ей завязнуть в глубоких сугробах.

Она чувствовала себя самым одиноким существом на всем белом свете: никто ее не сопровождал, никто не окликал, никто не догонял, чтобы составить компанию или предложить ночлег. Уже начинало темнеть, но ничего, похожего на человеческое жилище, не было видно на несчитанные мили вокруг.

Мара остановилась отдышаться. Дыхание вырывалось из ее усталой груди клубами пара, морозный воздух обжигал измученные долгим пребыванием на морозе легкие. Она достала из котомки серый круглый хлеб, оторвала замерзшими пальцами кусок и попыталась съесть. Хлеб оказался черствым и горьким, но его нужно было непременно сжевать до конца: хотя бы этот оторванный от круглой серой булки кусочек, иначе она никогда не дойдет до своей цели и завянет на веки вечные в этих снегах. Мара с трудом дожевала

кусок хлеба и двинулась далее по еле видной среди сугробов, уже сильно занесенной дороге.

Тем временем пасмурное небо над снежной пустыней становилось все темнее и темнее. Начал падать снег крупными хлопьями, от чего, с одной стороны, в пространстве стало немного светлее и уютнее, с другой – возникла опасность еще больших заносов, которые грозили полностью скрыть под собой дорогу. Час такого снегопада, и Мара потеряет все ориентиры.

Где-то вдали, предположительно на дороге, по которой шла Мара, замаячил огонек. Он медленно, но верно приближался. Возможно, это был путник с фонарем, который шел навстречу Маре по той же дороге, что и она, но в обратную сторону. Постепенно крохотная светящаяся точка становилась все больше, а рядом с этой точкой образовалась фигура неизвестного странника. Он был одет в такой же плащ, как и Мара, с таким же, как у нее, капюшоном. И с таким же посохом. Только на верхнем конце посоха светился сиреневый фонарик. И чем ближе подходил к Маре неизвестный путник, тем ярче светил фонарик. Между странниками осталось всего шагов десять, когда яркий сиреневый свет залил пространство вокруг них. Снегопад прекратился, а сугробы засияли всеми цветами радуги. Небо теперь было не темно-серым, а сиреневато-розовым, словно на закате в мае месяце, и Мара ощутила, как воздух наполнился ароматом сирени и потеплел.

Она взглянула на незнакомца с любопытством. Его золотисто-карие глаза весело смотрели на нее из-под капюшона мехового плаща. Все его смуглое лицо бороздили мелкие морщины, усы и короткая борода были седыми. Тем не менее от него веяло силой и здоровьем, которыми не могла похвастаться Мара, хотя она была, очевидно, значительно моложе.

– Вы дрожите, сударыня?

– Благодарю... Ваш волшебный посох превратил январский вечер в майский, и мне совсем не холодно.

– И все-таки вы заболели, – проворчал странник и приблизился к Маре вплотную. В его руке появилась фляжка.

– Вот, выпейте ровно восемь глотков, – произнес он заботливо и мягко, и в то же время Мара почувствовала, что она ДОЛЖНА сделать именно то, что он говорит. Посему послушно глотнула из фляжки восемь раз неизвестную горько-сладкую и довольно густую жидкость.

– Невкусно? – весело спросил мужчина, забирая у нее фляжку после восьмого глотка.

– Терпимо. Если вы меня отравили, я буду только счастлива. Здесь совершенно невозможно находиться. Лучше умереть поскорее, чем идти и идти по этой нескончаемой дороге. Знаете, какая она без вашего волшебного фонарика?

Он тихо засмеялся, поднял свой посох и коснулся светящимся наконечником посоха Мары. Тот тут же вытянулся, расширился, и верхний конец принял причудливую форму, похожую на бутон тюльпана. И этот «бутон» засиял и стал

разливать вокруг себя мягкий бирюзовый свет. Мара ахнула и несколько секунд стояла с изумленно раскрытым ртом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.